

И. С. Скоропанова (г. Минск, Беларусь)

«ВОСТОЧНАЯ ПОЭМА НА СМЕРТЬ ПУШКИНА» МИРЗЫ ФАТАЛИ АХУНДОВА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ АВТОРА

Одним из первых вслед за Лермонтовым откликнулся на смерть Пушкина Мирза Фатали Ахундов – азербайджанский писатель и просветитель, горячий приверженец русской культуры, влияние которой способствовало утверждению реализма в литературе и театре Азербайджана. Многогранно одаренный человек, Ахундов владел фарси, азербайджанским, русским языками, своеобразно совмещал в своем творчестве восточные и русско-европейские традиции. Исключительно высоко он оценивал творчество Пушкина, ранее многих осознав его как явление сверхнационального масштаба. Потрясенный исходом дуэли Пушкина с Дантесом, в 1837 г. Ахундов на фарси пишет «Восточную поэму на смерть Пушкина». Избранным названием автор стремится подчеркнуть, что отдает дань русскому гению не только от своего лица, но от лица всего просвещенного Востока. Понятие же «поэма» в заглавии использовано, как представляется, в переносном смысле слова и является указанием не столько на жанр, сколько на характер повествования, каковому присуща подлинная поэтичность, ибо объем произведения – две с небольшим страницы – и пронизывающий его лиризм дают основание квалифицировать ахундовский текст как стихотворение. К тому же в русскоязычном переводе с фарси, сделанном самим Ахундовым, это стихотворение в прозе. Метрическая урегулированность стоп, свойственная русскому стихосложению, и рифма в нем отсутствуют, однако графическое оформление и возникающая благодаря ему ритмизация делают текст стихоподобным, близким к версэ. Текст членится на короткие абзацы, состоящие из одного предложения, занимающего одну строку полностью, а на второй располагается в основном от одного до трех слов. После каждого абзаца большой пробел, предполагающий паузу. Расположение пауз более-менее урегулировано. Это напоминает разбивку на строфы в поэзии. В произведение вносится регулярный «вертикальный порядок» (Ю. Орлицкий), общий ритм и создан строфоподобием, что в некоторых случаях подчеркивает и появление анафор.

Написано стихотворение цветистым метафорическим стилем, напоминающим орнаментализм, с романтической доминантной и сильно выраженным лирическим началом. В произведении много характерных для восточной поэзии образов, наделенных закрепившейся за ними семантикой: соловей, павлин, жемчуга, розы, луна, ясмин и др. Повышенной эмоциональности тона способствует обилие стилистических фигур, поскольку стихотворение в прозе строится как обращение автора к своему сердцу.

Соединяет в себе произведение черты плача и панегирика.

Ахундов противопоставляет картинам весеннего пробуждения природы, когда всё по-кавказски пышно цветет и благоухает, собственное угнетенное состояние – его душа не отзывается на окружающую красоту, сердце уподобляется плакальнице похоронной, сокрушающейся от безмерной утраты. На вопрос, что случилось, оно отвечает:

Разве ты, не ведающий мира, разве не слышал о Пушкине главе собора поэтов.
О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов, когда он игриво
изливал свои мечтания.

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу её.

В мечтах, его, как в движениях павлина являлись тысячи дивных цветов литературы [1].

Хотя упоминает Ахундов и М. Ломоносова, и Г. Державина, именно Пушкину отводится главная роль в возведении русской литературы в перл эстетического совершенства и эталон искусства слова, причем эталон для всех поэтов Российского государства, вне зависимости от национальности:

По светлому уму своему был образцом на Севере, подобно молодой луне, вид которой дорог Востоку [1].

Этим автор не ограничивается, одним из первых указывает на обретение русской литературой благодаря Пушкину мирового значения:

Распространилась слава его гения по Европе, как могущество и величие Николая – от Китая до Татарии [1].

Поскольку литература американского континента еще находилась в процессе своего становления, европейское признание Пушкина символизировало мировое признание.

«Светлый ум» Пушкина у Ахундова – это и метафорическое обозначение его прогрессивных взглядов, «тысячи дивных цветов» пушкинского творчества – указание на его многогранность, всечеловечность, универсализм, «мечтания» — эквивалент силы воображения, определение «соловей его сердца» включает в себя представления о естественности, красоте, гармоничности звучания пушкинского стиха и одновременно о творческой свободе поэта, певшего вольно, как соловей.

В полузашифрованном виде упоминаются и некоторые произведения Пушкина: «Храни меня, мой талисман», «Бахчисарайский фонтан», а также – посвященные Кавказу.

Пушкин предстает у Ахундова как драгоценное достояние мировой культуры – с него, казалось бы, пылинки надо сдувать. Произошло иное:

Теперь с удивлением слушай от меня, что родители не устыдились быть к нему жестокими.

Прицелились в него стрелою смерти безжалостно, прекращая дни его жизни.

Черное облако по велению их одною градиною побило плод древа его жизни.

Жестокий ветер смерти потушил светильник его души, тело его как терн стало мрачным.

<...>

Душа его, как птица, вылетела из тела, будто из гнезда, и всех старых и малых сдружила с печалью [1].

Ахундов сосредоточен на том, кем был и чем стал поэт. Возникает бинарная оппозиция «гений», «соловей», «светильник» – «убийца-злодей», «жестокие родители», «черное облако (смерти)». Нанизыванием эпитетов «черный», «жестокий», «мрачный» автор сгущает представление о силах зла, оборвавших жизнь Пушкина. Как и Лермонтов, Ахундов не верит в трагическую случайность пушкинской смерти, убежден, что дуэль – форма расправы с независимым гением, отстаивавшим свою честь:

Вся Россия в скорби восклицает о нем: «О, убитый рукою убийцы-злодея!» [1].

Правда, обличения Ахундова не столь остры и целенаправлены, как лермонтовские, и тем не менее совершённое злодеяние автор «Восточной поэмы» клеймит, затрагивая не только Дантеса, но и называемых им «родителями», то есть правителей родной страны, от которых зависела пушкинская судьба.

К скорби всей России, оплакивающей Пушкина, Ахундов присоединяет и скорбь Крыма и Кавказа, красота каковых воспета Пушкиным:

Фонтан из Бахчисарая посылает праху твоему с весенним зефиром благоухание двух роз твоих.

Старый седовласый Кавказ ответствует на песни твои стоном в стихах Сабухия [1].

Таким образом, на пушкинскую могилу – через строки стихотворения в прозе – как бы возлагаются цветы. Себя автор подает в тексте «Восточной поэмы» под псевдонимом Сабухий, которым чаще пользовался в стихотворениях, не предназначенных для печати. Тем самым он намекает, что выражает неофициальную точку зрения на пушкинскую смерть.

В отличие от Лермонтова Ахундов не понес наказания, скорее всего потому, что язык, на котором была написана и опубликована «Восточная поэма», большинство российского населения не знало; владевшим же фарси, возможно, что-то дополнительно говорил «хуруфизм» – символика букв, в русскоязычном переводе изменившихся.

В финале Ахундов/Сабухий предсказывает бессмертие Пушкина, обращается к нему как к живому. Мистическим взором он прозревает воспарение пушкинской души в небо и, следовательно, неба и вечной жизни заслужившего.

«Восточная поэма на смерть Пушкина» со временем была переведена на восемь языков народов Кавказа, а также на татарский, узбекский, латышский, украинский, белорусский, якутский, немецкий, французский языки; есть и несколько ее переводов на русский (А. Бестужева-Марлинского, А. Соколова, А. Берже). Но авторизованный перевод этого произведения представляет для нас особую ценность еще и как свидетельство гражданского мужества Ахундова, подобно Лермонтову, шедшего «против течения».

Литература

1. Ахундов, М. Ф. Восточная поэма на смерть Пушкина / М. Ф. Ахундов / пер. М. Ф. Ахундова // Викитека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Восточная поэма на смерть Пушкина \(Ахундов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Восточная_поэма_на_смерть_Пушкина_(Ахундов)). – Дата доступа: 01.10.2018.